

В.С. МАЛЫШЕВ

**МОЛЬБА ВЕТЛУЖСКАЯ.
ТРАДИЦИОННЫЙ НАРОДНЫЙ
ПРАЗДНИК СРЕДНЕГО
ПОВЕТЛУЖЬЯ**

Праздник Мольба (Коровья Мольба, Коровины, Береговая Мольба, Молебствие, Мольбушка, Коси-Моси) является отличительной составляющей духовно-обрядовой традиции Среднего Поветлужья. Здесь Мольба закрепились в форме особого и, как правило, главного деревенского праздника.

Впервые в начале 1990-х гг. на неё обратил внимание варнавинский краевед М.А. Балдин. Однако что ему удалось собрать по этой теме, выяснить не представилось возмож-

ным, поскольку архив его сохранился не полностью и ещё не разобран. Предлагаемый здесь материал подготовлен на основе опросов, проведённых автором в 2006–2009 гг. в Ветлужском р-не Нижегородской области. Рассмотрим различные аспекты открывшегося этнокультурного феномена и постараемся выявить его истоки.

Праздник отмечается в память о борьбе с мором домашней скотины в конце XIX в. (и ранее). Термин «мольба» в народной сакральной традиции имел значение «жертва, жертвоприношение», а также «братчина» (совместная ритуальная трапеза)¹. На Вятке известна Мольба-«Троещеплятница», связанная с молебном о здравии кого-либо из родственни-

ков². В ряде губерний русского Севера, в том числе в Костромской, была известна конная Мольба. Но здесь, на Ветлуге, основной мотив Мольбы связан с борьбой против мора прежде всего рогатой домашней скотины. Ближайший аналог ветлужской Мольбы встречается на устье Унжи – в округе села Нежитино.

Для ветлужской Мольбы характерна чересполосность при разных сроках празднования в разных местах (в июле, августе, сентябре, ноябре). Она ни в одном случае не совпадает с «престольными» деревенскими праздниками. В ряде случаев волостные и приходские центры не включены в сферу этого праздника.

Так, береговые деревни с Мольбой после Петрова дня (середина июля) выделились в особый куст внутри Егорьевского прихода. Деревни Токарихинской (Токариха, Мокруша, 28–29 августа, Козлихинской (Козлиха, Таруниха, 7–8 сентября) и Катунинской (Катунино, Поломка, 8 ноября). Мольбы кольцом охватывают волостной центр – Бельшево. Медведовский приход (Медведово, Осотово, Гудки), целиком охватывается Мольбой Макарьева дня (7–8 августа). Культурно близкие Медведову соседние деревни, относившиеся к Архангельскому приходу³, также отмечали Мольбу, только в другие дни: Шумилово – 29 августа (Госпожинка), а Махони и Голуби – 2 августа (Ильин). Весь этот куст назывался «черемиса». Валовская Мольба – Коровины – проходила 10 августа. Кожевихинская Мольба (Коси-Моси) 10 июля посвящалась овцам.

Такое положение наводит на мысль о подспудной легализации – под видом околицерковных празднеств – некоторых особо значимых древнерусских духовных традиций в наименее подверженных церковному влиянию сельских общинах.

Период оформления ветлужской Мольбы в известных ныне формах приходится на пореформенную эпоху (1860–1890-е гг.), когда – на фоне социальных перемен – в сознании крестьян происходили значительные культурные трансформации, задевавшие соотношение сугубо церковных установок и традиционных народных представлений в сакральной сфере.

Этот процесс был практически повсеместным и происходил на памяти «пореформенного» поколения. Так, крестьянин Сычевского уезда Смоленской губернии А.В. Байков в нач. 1910-х гг. свидетельствует: «Праздники ... церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых «престольных», местных праздниках... На моей памяти ... установлен целый ряд таких праздников. Так, ... лет 25–30 тому назад ... была чума рогатого скота. В деревне Конопатине она окончилась к 20 июля, и вот деревней установлен был по сему случаю праздник; в деревне Ашиткове чума окончилась к 8 июля – установили 3-дневный праздник... Праздники эти – не престольные, ничего общего с храмом не имеющие»⁴.

Типологически ветлужская Мольба входит в цикл «обетных / заветных» праздников, являющихся формой живого народного творчества в сакральной сфере.

Валово

Валово (вместе с соседней Чухломкой) было одним из центров Мольбы, славилось своими целителями и считалось во многих волостях местом «нечистым», откуда приходят колдуны (заплетавшие, в частности, на полях рожь кругами)⁵.

Название «Валово» является отсылкой к имени Волоса (Велеса) – скотьего бога славян. В Белоруссии В'алес (Велес) имел эпитет «Лысый Вал» (т. е. голый гладкий валун)⁶. Деревни с названием «Валово» есть в Галичском р-не Костромской области, на Вятке и в др. местах.

Валовские Коровины отмечают 10 августа – в день Смоленской иконы Божьей Матери. В Вологодской губ. в этот день «кропят коров»⁷.

Махони

Махонская мольба по воспоминаниям старожилов предстаёт в виде особого церковного праздника, посвящённого домашней скотине. Возле Махоней стоял на поле Хохорки у р. Вол, где ферма теперь, мольельный столбик. В Мольбу (2 августа, в Ильин день) после молебна у каменной часоушки в самой деревне люди шли сюда крестным ходом и приводили сюда же своих коров. Батюшка кропил их, молитву читал. Так продолжалось до конца 1930-х гг., когда церкви закрыли. Обращает на себя внимание устройство особого места для «коровьего» моления: за деревней рядом с леском по-над рекой.

В Новгородской, Вологодской и Костромской губерниях (в том числе в Поветлужье) на выгонах устраивались деревянные часовни для «конной мольбы»⁸. Вероятно, что в случае падежа скота таковые использовались и для «коровьих» молений.

Мольба на «Ильинки» восходит к известным в Поветлужье «обещаниям» Миколу и Илье, призванным отвратить скотину и людей от болезней. На Миколу резали откормленного бычка. Накануне Ильи – ягнёнка. Лучшую часть мяса несли в церковь. Из остального готовили кушанья для братчины⁹. Вероятно, подобные жертвы и пиршества («мольбы») и дали общее название самобытному ветлужскому празднику.

Местные жители подчёркивают сугубо народное происхождение этого варианта праздника: Мольба на «Ильинки» чётко отделяется от «настоящего Ильи».

Появление Мольбы на «Ильинки», возможно, также связано с «Ильинской пятницей». Так, в Вологодской губернии последняя пятница перед Ильиным днем представляется как «бедной праздник, голодной», когда ни хлеба, ничего нет¹⁰. Этот мотив перекликается с образом ветлужской Мольбы как праздника преодоления засухи, голода, мора.

На Ветлуге «Ильинская пятница» особо отмечалась, в частности, в Подозёрке Егорьевского прихода Архангельской волости. Она не считалась вариантом Мольбы. Однако же была в одном с ней ряду традиционных народных праздников. Типологически это один из предшественников ветлужской Мольбы.

Медведово

В Медведове и Шумилове моленные столбики с иконой под тесовой крышей и крестом стояли в полях по обеим сторонам деревни. Там проводили молебны и затем ходили по деревне с иконами и освящали дома и дворы с домашней скотиной. У большой часовни, что стояла на стыке Шумилова и Медведова, в Мольбу на Макарьев день (7 августа) накрывали столы и проводили братчину. И до вечера весело – с гармониями – гуляли по деревне. На другой день праздник переходил в деревню Гудки.

Берег

Ближайший аналог береговой Мольбы известен в округе села Нежитино Макарьевского р-на Костромской обл. Здесь некогда, во время засухи и эпидемии, был отслужен многолюдный просительный молебен о ниспослании дождя. Вскоре дождь прошёл. И день этот из поколения в поколение стал передаваться как день благодарения богу за спасение от гибели¹¹.

Время проведения береговой Мольбы совпадает с днём конной Мольбы, известной в Вельском уезде Вологодской губернии. Последняя проводилась в первое воскресенье за Петровым днём в качестве праздника Флора и Лавра¹². Флоры и Лавры широко известны и в Поветлужье. Они являются главным праздником города Ветлуги и ряда деревень района. Но отмечают не после Петров, а – сообразуясь с церковным календарём – в конце августа.

Происхождение береговой Мольбы связано с прохождением «через огонь» и окуриванием скота и всех жителей «целебным» можжевельным дымом во время большой эпидемии (в 1890-х гг.), поражавшей не только животных, но и людей. Огонь для этого был добыт в Денисове «чистым» способом: трением из вереи (столба, на котором держатся ворота). Кострище было устроено здесь же, в прогоне, ведущем на луга. Люди и скот проходили «через огонь» в этих воротах. Считалось, что, закопчённые дымом священного дерева, они непременно исцелятся. А к ещё здоровым зараза точно не пристанет.

Применение древних обрядов не исключило обращения и к церковной традиции. По всем деревням Егорьевского прихода прошёл большой крестный ход с хоругвями и иконами.

Обряд вытирания «живого огня» в целях борьбы с болезнями был в старину широко распространён. В начале XX века на Ветлуге – в Варнавинском уезде – он сохраняется в своей первозданности. Вот его обобщённое описание. Рано утром мужики собираются около чьей-нибудь вереи. Берут можжевельный кол и, упёршись им в вереву, вертят его до появления «самородного, святого» огня. Часто вставляют кол между обеими веревками ворот и используют для его вращения верёвку. Чаще всего огонь вытирают из вереи в воротах, ведущих в поле. От этого огня зажигают костёр и накидывают сверху можжевельных лап, дающих густой дым. Через дым и огонь этого костра прогоняют скотину и следом проходят люди¹³.

В ряде губерний, в том числе в Нижегородской, подобный обряд ежегодно проводился в день конной Мольбы на Флоров и Лавров день (31 августа). Если в этот год был падеж скота, то через костёр прогоняли не только коней, но и рогатый скот¹⁴. С учётом календарного сближения с вельской конной Мольбой береговая Мольба восходит именно к этой традиции.

В советское время береговая Мольба проходила три дня: воскресенье после Петрова дня, понедельник – «полная гулянка» и вторник. Чтобы гулять в понедельник, приходилось выходить на работы в воскресенье утром. Но с середины дня всех отпускали. Во вторник выходили на работу после обеда. Гулянка в первый день праздника переходила «погодно» от одной деревни Берега к другой: Осетрово, Замятино, Денисово и Шилиха. Второй день всегда отмечали в Денисове. Третий – по домам. Варили пиво, пекли пироги.

Мольба собирала всю ближнюю и дальнюю родню. Приходили даже из заветлужских деревень, имеющих ветлужское, «береговое», происхождение: Семёново-Шурань, Девушкино, Копылиха. Встречали эту дальнюю родню на Мундыре – традиционном месте деревенских гуляний на высоком угоре при впадении Вола в Ветлугу.

Местные жители сознавали, что Мольба не является церковным праздником, и потому иронически называли её «мольбушкой» (в сравнении с «великими, всеобщими» праздниками, такими как Рождество, Успенье или Пасха). Это указывает на двойственность культурно-исповедального самосознания ветлужан.

В первой половине – середине XX в. Мольба в сознании жителей охваченных ею деревень потеснила даже местные престольные праздники. «Весёлая» Мольба стала любимым праздником и символизировала присутствие Бога, сходящего в этот день к сельчанам. Ещё бы: сама смерть была побеждена в сей день! Люди ликовали. Парни пронзительно пели зажигательные частушки, степенно, во главе с гармонистом, жарившим «сормака», проходя по деревне и весело, но с достоинством посматривая по сторонам, чтоб никто не нарушал праздничной торжественности. Пели, прославляя свои подвиги в битвах с соседними кустами деревень, красоту и житейские качества деревенских девчонок, всю деревенскую жизнь... Девчата круг парней поворачивали. К вечеру начинались пляски. Все ходили пьяные, но весёлые. Воодушевление достигало такого накала, что исключало вполне традиционные в прочие праздники побоища между различными «кустами» деревень.

А драки бывали, так уж было заведено. То «черемиса», считавшаяся весьма боевой, «атаманами», с кольями на Берег придёт. То «береговые» подступят к Медведову. А то всё в Волчихе, на полпути сходились. «А подростки, «подлецы», несут и подают запасные колья»¹⁵. Кто кого. Кто побеждает, тот и гуляет. Словами токарихинской «боевой» песенки:

Если б нас бы кто задели –
если бы задели бы –
Можжевеловые колья
в воздухе запели бы!

Токариха и Козлиха

В токарихинскую Мольбу большая весёлая гулянка, собиравшая молодёжь со всей волости, проходила в Токарихе 28 августа к вечеру, а в Мокрушах (Большой и Малой) – 29 августа. Козлихинская Мольба, не столь многолюдная, проходила 7 сентября, переходя на следующий день в Таруниху.

В Вологодской губернии 29 августа, на третий Спас, «кропят коней на поле»¹⁶. Вероятно, здесь имеет место календарный перенос с «конского» (но с учётом его коровьих аспектов) праздника Фрола и Лавра 31 августа.

Катунино и Поломка

Мольбушка на Дмитриев день (8 ноября) оказалась здесь «осенним» праздником. Это несколько необычно, поскольку остальные варианты Мольбы привязаны к летнему периоду. Однако традиционный цикл осенних праздников на Средней Ветлуге весьма развит. Они почитаются здесь как «свои», домашние. Так, на «берегу» главным считался не майский Егорий, а осенний, ноябрьский.

Коси-Моси

Кожевихинская Мольба проходила 10 июля и называлась Коси-Моси. Посвящалась она овцам. Этимология названия не вполне ясна. Вроде бы кличем «коси!-моси!» подзывали овец чтобы покормить хлебом и чтобы те не сильно разбегались. Происхождение праздника связано с некой напастью, постигшей здесь овец. Может быть,

это было моровое поветрие. Но, по предположениям местных жителей, это были волки, поскольку Кожевиха – деревня лесная и волков в окрестностях водилось и вправду немало. В советское время праздник проходил здесь шумно и весело. Эта небольшая деревня наполнялась родней из ближайших селений.

Мольба и традиции народной магии Поветлужья

Среднее Поветлужье является кладдезем «заговорной» народной традиции. Она вобрала в себя как пласт обрядов и заклинаний магического толка, так и фрагменты древнерусской мифологической картины мира. В контексте рассмотрения культурных основ ветлужской Мольбы обращает на себя внимание особенное, сопереживательное отношение ветлужан к своей домашней скотине и прежде всего к «коровушке», кормилице, «животу красному». Примеры такого отношения отражены в петровской коровьей «Молитве молока», заговоре «От тоски» и заговорном действе «Для устоя» (устой: сливки, сметана)¹⁷.

Закреплённое в традиционных формулах и ритуалах общение с домашней скотиной помогало установить тонкую душевную связь между человеком и животным. А это обеспечивало хорошее самочувствие скотинки и лучшее качество молока.

Стоит отметить, что «Петры и Павлы» в данной местности были традиционным, а не церковным праздником. «Коровий» мотив этого праздника перекликается с «коровь-

им» же праздником Мольба. Причём береговая Мольба приурочена к воскресному дню именно после «Петров и Павлов».

Мольба и этнокультурные связи ветлужан с ветлужскими мари́йцами

При выявлении причин и условий возрождения пережиточных форм традиционных культов в XIX–XX вв. необходимо вспомнить о прежнем соседстве ветлужан с мари́йцами, в большей степени, чем русские, сохранившими традиционные культы и обряды, а также о некоторой культурно-генетической связи ветлужан («ветлугаев») с мари́йцами Заветлужья.

Мари́йский праздник середины лета Сюрем и удмуртский Гужем юон («летний праздник») были приурочены к Петрову дню, что сближает их с июльскими вариантами ветлужской Мольбы. Один из вариантов Гужема – Гырон быдтон – и кожевихинская Мольба (Коси-Моси) приурочены к одному дню – 10 июля. Сюрем и Гужем юон символизировали окончание периода цветения луговых трав и начало сенокосной страды и праздновались по два-три дня. В этот день дома украшались берёзовыми ветками¹⁸. Та же картина наблюдается на Ветлуге в Петров день. В некоторых деревнях Петры и Павлы считаются главным праздником (Крутиха, Морчиха, Мошкино). Схожи некоторые обряды Сюрема и упомянутой конной Мольбы, как одной из подоснов Ветлужской Мольбы. И там и здесь проводились скачки на конях¹⁹. Валовская Мольба (10 августа) проходит в

один день с «праздником огня» горных мари́йцев.

Показательно бытование мари́йских микротопонимов. Так, над устьем Вола возвышается большой угор, далеко выступающий из общей береговой линии угоров по Воле и Ветлуге. Называется он Мундырь. В переводе с мари́йского «мундыр» значит «дальний». В выражении «мундыр родо» – «дальняя родня».

В ветлужском говоре встречаются слова, схожие с мари́йскими: «кока» – крёстная / тётя, сестра матери, «роньжа» (мар. «роньгыж» – птица ореховка), «сакать» (болтать) напоминает мари́йское «сакау» – заикаться / шепелявить. До недавнего времени сохранялось «цеканье», т. е. переход «ч» в «ц», воспринятое из финно-угорских языков. Говорили: «доцька», «пецька», «Пецьуриха», «плецо». Женщины старшего поколения привержены этому и поныне.

Здесь часто встречаются типы лиц, имеющие как славянские, так и угрофинские черты. Среди стариков можно заметить типажи, почти не отличающиеся от мари́йских. Это свидетельство того, что смешение с мари́йцами затронуло в своё время значительную часть русского населения Поветлужья.

Для ветлужан характерно традиционное обозначение жителей соседних волостей, колхозов – так сказать, «чужаков» – как «черемисы», «мари́йцев». Причём чем дальше от города, тем далее отступает «мари́йский» ареал. В городе Ветлуге «мари́йцами» зовут жителей почти всех местностей вверх и вниз по реке. В Вознесенье и

Каменке – «заволинских». В Волынцах – насельников «Берега». А на Берегу всем ведомо, что настоящая «черемиса» – в Медведове, на краю лесов. Там же соглашаются, мол, да, «черемиса», но вовсе не потому, что марийцы, а просто такой барин был – Черемисинов. А «марийцы-ти» – все на Ветлуге!

Наконец, в легенде «О Луданге» прямо говорится о подселении марийцев с левого на правый, тогда уже русский берег Ветлуги. Марийская парочка Лу и Данга, избежав печальной участи персонажей легенды о Вет и Луге, перебрались на этот берег реки и основали «одну из наших здешних деревень» – не то Минино, не то Валово, не то Чухломку...²⁰

В связи с подобными сближениями встаёт вопрос о вероятном сохранении части обрядов и представлений ветлужских марийцев в среде русских, поселившихся на Ветлуге.

Выводы

Ветлужская Мольба восходит к циклу «обетных / заветных» праздников, являющихся формой живого народного творчества в сакральной сфере. В частности, к распространённым на русском Севере и в Поволжье конным и коровьим Мольбам (в особенности к их июльскому варианту), а также к «обещаниям» и «мольбам» Миколы и Ильи. Родство и соседство ветлужан с ветлужскими марийцами породили сходство их некоторых традиций и обрядов. Приверженность старинным традициям и этнографическое своеобразие ветлужан способствовали оформле-

нию ветлужской Мольбы в качестве символа региональной традиционной культуры Поветлужья. Когда – в условиях ослабления влияния официальной церкви во 2-й половине XIX в. лесной край пережил жесточайшее испытание, особые освящённые многовековой традицией ритуалы оказались последним средством, давшим надежду на избавление от морового поветрия – и людей, и домашней скотины.

Словами знатока традиционной русской культуры Миролубова, люди обратились к воскрешению старого мировоззрения, «древнего взгляда на вещи» и тем, свидетельствуя верность прошлым обычаям, постарались «умилостивить небо»²¹.

В Мольбе совместились остатки некогда весьма развитой и многообразной сакральной традиции Поветлужья. Принимая различные формы, она всё же отразила единое стремление к возрождению исконной народной духовности и культуры. И тем самым становилась средством самоидентификации для значительной части ветлужан. Однако она не объединила их полностью – процесс остался незавершённым.

P.S. С 2007г. усилиями Ветлужского районного отдела культуры началось возрождение праздника Мольба в качестве одного из вариантов Праздника деревни. Первый такой праздник прошёл в Шилихе и собрал уроженцев этой и других деревень береговой Мольбы со всего района, из Нижнего Новгорода и даже из Москвы.

ИСТОЧНИКИ

Полевые материалы автора (П.М.А.) – материалы экспедиционных поездок в Ветлужский р-н Нижегородской области в 2006, 2007, 2008 и 2009 гг.: записи и аудиозаписи опросов; выписки из рукописных сборников молитв и заговоров; материалы, предоставленные местными краеведами.

Материалы анкеты Костромского научного общества по изучению местного края «Культ и народное сельское хозяйство» (1922–1923 гг.) // Журавлёв А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлёв А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994.

Зеленин Д.К. Избранные труды (статьи по духовной культуре 1901–1913 гг.). М., 1997.

Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества, вып. I–III. Пг., 1914–1916.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

Миролюбов Ю.П. Русский языческий фольклор (очерки быта и нравов). М., 1995.

Морохин Н.В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья, Киев, 1997.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Календарные праздники и обряды у марийцев, Йошкар-Ола, 2003.

Ляўкоў Э.А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск, 1992. с. 71, 73. (Левков Э.А., 1992).

Коробейников А.В., Сахарных Д.М. О традиционном летнем празднике удмуртов. // http://www.ethnonet.ru/lib/0802-05.html#_edn

Юрьевский Б. 1914. Возрождение деревни. Пг., 1914. // <http://tl2002.livejournal.com/20376.html>

Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды... / Сост.: А.В. Кулёв, С.Р. Балакшина. // http://www.cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/cerep_99/therep99_kalendar4.htm

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зеленин Д.К. Избранные труды (статьи по духовной культуре 1901–1913 гг.). М., 1997, с. 77, 83, 121.

2. Зеленин Д.К. указан.соч., с. 105, 107, 111, 114.

3. Архангельское – ныне село Волиницы.

4. Юрьевский Б. 1914. Возрождение деревни. Пг., 1914. с.88-89. //

<http://tl2002.livejournal.com/20376.html>

5. П.М.А., 2007. Из фольклорных записей Н.А.Коробовой, г.Ветлуга.

6. Ляўкоў Э.А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск, 1992. с.73 (Левков Э.А., 1992).

7. Праздники и обряды Череповецкого р-на в записях 1999 г. // http://www.cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/cerep_99/therep99_kalendar4.htm

8. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994, с. 370–371.

9. Журавлёв А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994., с. 20 (по: Завойко, 1917).

10. Праздники и обряды Череповецкого р-на в записях 1999 г. // http://www.cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/cerep_99/therep99_kalendar1.htm#_1

11. http://www.makariev.ru/reklama/nejitino_2008/index.htm

12. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, примеч. №34 к гл. 3 (по: Максимов, XVII, с. 160).

13. Материалы анкеты Костромского научного общества по изучению местного края «Культ и народное сельское хозяйство» (1922–1923 гг.) // Журавлёв А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии..., с. 165–167.

14. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества, вып. I–III. Пг., 1914–1916, с. 116–117.

15. П.М.А., 2007: записано в д. М. Мяссиha.

16. Праздники и обряды Череповецкого р-на в записях 1999 г. // http://www.cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/cerep_99/therep99_kalendar1.htm#_1

17. П.М.А., 2006. Записи заговоров из д. Куницыно возле Махоней.

18. Коробейников А.В., Сахарных Д.М. О традиционном летнем празднике удмуртов. // www.ethnonet.ru/lib/0802-05.html#_edn; Морохин Н.В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья, Киев, 1997, с. 73–74.

19. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994, с. 371;

Календарные праздники и обряды у марийцев, Йошкар-Ола, 2003, с. 92, 122, 138.

20. П.М.А., 2007: из воспоминаний Барулёвой Елизаветы Васильевны, с. Пустошь.

21. Миролюбов Ю.П. Русский языческий фольклор (очерки быта и нравов). М., 1995, с. 127.